
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ

А.С. Иванова

Кафедра социальной философии
Философский факультет

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена рассмотрению основных программ в области методологии социально-гуманитарных наук — позитивизму (О. Конт, Г. Спенсер и др.) и антипозитивизму (В. Дильтей, Г. Риккерт и др.). Исходя из идей позднего Э. Гуссерля, а также работ М. Мерло-Понти и А. Шюца, в статье анализируется одно из ключевых направлений современной социальной теории — феноменологическая социология. Последняя обосновывается в качестве неклассической стратегии философской методологии социогуманитарных дисциплин, оппозиционной как по отношению к «объективизму» О. Конта, так и в отношении социологического «субъективизма» неокантианцев.

Ключевые слова: феноменологическая социология, позитивизм — антипозитивизм, объективизм — субъективизм, методология социального познания.

Задача построения новой науки об обществе — в том виде, в каком эта идея была сформулирована основоположником социологии О. Контом, — напрямую увязывалась им с необходимостью преодоления метафизического, т.е. чисто умозрительного способа рассмотрения действительности. «Реальное» в противоположность «химерическому», «полезное» в противоположность «бесполезному», «достоверное» в противоположность «сомнительному» — новая «позитивная» наука социология призвана была сменить спекулятивную социальную философию на путях познания реальности человеческой истории. В этих условиях наука об обществе была возможна лишь как «социальная физика»: идеалом исследовательского процесса объявлялась естественно-научная методология. Это вело, во-первых, к абсолютизации естественно-научного знания в объяснении человека и общества и, во-вторых, к игнорированию специфики последних.

Позитивизм, таким образом, есть тематизация идеи единообразия науки на основе естественно-научной методологии. О специфике социогуманитарного знания если и говорилось, то лишь в негативном ключе: она связывалась с его «незрелостью», которая, как предполагалось, все же может быть устранена в случае усвоения этими дисциплинами более совершенных познавательных процедур естествознания.

Настойчивым попыткам экспансии естественно-научной методологии в гуманитарную сферу во второй половине XIX века воспротивилась философия жизни и в частности В. Дильтей, одним из первых заговоривший об «инонаучности» этой области знаний. Предмет «наук о духе» — не «внешнее» (наблюдение), но «внутреннее» (переживание), доступное посредством интроспекции. Именно

в этом автор проекта «Критики исторического разума» усмотрел специфику «духовного», и именно с психологией он поэтому связал свои основные надежды. Впоследствии к требованию предметного самоопределения социогуманитарных наук добавится идея их методологического обособления — такова будет (разумеется, в самом первом приближении) неокантианская программа «реабилитации» мира человеческой культуры.

Заметим, что историко-философское рассмотрение методологии социальных наук не является предметом данного исследования. Однако необходимо отметить, что и сегодня две представленные линии (О. Конт, Г. Спенсер и др., с одной стороны, В. Дильтей, Г. Риккерт — с другой) остаются во многом главным инструментом при анализе социальных теорий ЧЧ века.

Нельзя не отметить, что значительная часть современных исследователей, заслуженно упрекая позитивизм в игнорировании специфики социокультурной реальности, в преднамеренном методологическом редукционизме, проявляющемся в забвении социогуманитарными науками их «человекоразмерности», не видят ему иной альтернативы, кроме как в «субъективизме». Весьма показательна в данном случае следующая точка зрения: «Классическая социологическая парадигма, или же позитивистски ориентированная социология, противопоставляет свое видение социального мира альтернативной парадигме, связанной с работами феноменологов и этнометодологов. Отличительная черта натуралистического толкования социальной реальности — отрицание или недооценка субъективного фактора в общественной жизни... В противоположность натуралистическому подходу в концепциях субъективизма основное внимание уделяется именно сознанию. При всем многообразии разновидностей субъективизма (от феноменологической социологии до философии лингвистического анализа) всем им присуще игнорирование объективной естественно-исторической обусловленности жизни общества» [12. С. 92].

Подобное прочтение не оставляет выбора: любые стратегии, не укладывающиеся в «позитивистски ориентированную» модель социального познания, с неизбежностью причисляются к «социологическому субъективизму». При этом заявленная оппозиция (позитивизм/объективизм — антипозитивизм/субъективизм) не является универсальной. Она была оправдана в условиях критики позитивизма формирующейся тогда философской аксиологией. Однако на современном этапе развития социально-философского знания она во многом утратила свою эвристическую ценность.

Для обоснования этого тезиса обратимся к анализу феноменологической социологии — одному из наиболее значимых направлений современной социальной мысли, которую привыкшие к бинарному мышлению интерпретаторы также зачастую стремятся отнести в разряд «субъективизма».

Феноменология Э. Гуссерля в самом общем виде предполагала обращение к вещам, как они даны сознанию. Но означало ли это, что феноменологический метод замыкался на исследовании «субъективных» феноменов? Отнюдь: именно с критики психологизма начинался путь Гуссерля в философии. И в этом отно-

шении куда более оправданной представляется точка зрения К.-О. Апеля: «Феноменология ближайшим образом означает антитезу по отношению не только к позитивизму и натурализму, но и к „психологизму“ и „историзму“ в том виде, в котором он обнаруживается, например, у В. Дильтея» [1. С. 7]. Феноменологическая дескрипция предполагала не столько рассмотрение субъективной стороны опыта с его актами, доступными лишь при рефлексивном обращении субъекта к самому себе, сколько анализ тех содержаний этих актов, которые внеположны субъекту как объекты опыта и не нуждаются в рефлексивном обращении. В дальнейшем феноменология будет развиваться в направлении от трансцендентального идеализма, в рамках которого проблема других Я (как одна из ключевых для понимания природы социального) действительно во многом окажется неразрешимой, — к обоснованию субъективности в качестве всегда уже укорененной в «жизненном мире». «Внутреннее» перестанет отсылать к «частной жизни», оно будет понято как «интерсубъективность», выступающая в качестве необходимого элемента конституирования индивидуального сознания.

Таким образом, развитие феноменологии в плане ее «социального применения» будет связано со сменой исследовательского ракурса: акцент сместится с формально-логического анализа *Cogito* на рассмотрение коммуникативного аспекта генезиса сознания — в качестве его важнейших характеристик будут заявлены конкретность и контекстуальность. Я есть процесс, а не предмет, скажут социальные феноменологии. Субъект в их работах перестанет пониматься в качестве абстрактной познающей инстанции, исключаяющей все эмпирическое, социально обусловленное. Человек предстанет агентом социокультурных практик. Поэтому и само «социальное», в традиционной социологии рассматриваемое предельно абстрактно, как непроблематизируемый фон и общая предпосылка познавательной деятельности, в феноменологической социологии будет представлено во всей своей содержательной полноте — как «жизненный мир», т.е. смысловой универсум конкретной культуры. Как скажет Ж.-Ф. Лиотар, необходимо начинать «с развертывания, разъяснения различных модусов», в которых сознание «переплетено с миром»: «Прежде чем схватывать социальное как объект, что уже является определенным выбором метафизического характера, безусловно необходимо объяснить само значение для сознания факта „бытия-в-обществе“» [8. С. 9]. Ему вторит и М. Мерло-Понти: «Социальное это не только объект, но прежде всего моя жизненная ситуация» [9. С. 128]. Данная стратегия, на наш взгляд, знаменует собой общую переориентацию исследовательского мышления, изменение ракурса изучения социальной реальности, связанного отныне со всесторонним анализом форм повседневного существования человека, его жизненного микромира, стереотипов его мышления.

Социальное действие индивидов более не будет рассматриваться как некий «довесок» к структурам общества — сами структуры предстанут воплощениями «социального действия», различными формами его воспроизводства. На смену субъектно-объектной парадигме классического обществознания в рамках феноменологической социологии придет истолкование социального как сферы уни-

версального праксиса — «существования, не являющегося ни свершившимся фактом, ни объектом созерцания» [9. С. 128].

Таким образом, попытки преодоления схематизма структурно-функционального истолкования человеческого поведения отнюдь не означают апологии некоего «субъективизма» и «идеализма» в социальном познании. В рамках феноменологического подхода реальность конструируется не индивидом, а обществом: любые ментальные конструкции выступают как продукт коммуникации и совместной деятельности людей. Человек здесь рассматривается в единстве с «миром» — той его частью, которая им «освоена», имеет для него значение; «мир человека» есть часть самого человека, неразрывно с ним связанная.

Феноменологическую социологию поэтому, на наш взгляд, уместно рассматривать не в контексте дихотомии «позитивизм — антипозитивизм», а как постнеклассическую, имея в виду ее критическую направленность также и по отношению к построениям «понимающей социологии» М. Вебера.

Вебер исходил из концепции «расколдования мира». «По этой легенде вся история Запада постоянно воспроизводит во все более расширяющемся масштабе вводную сцену курса истории античной философии: миф уступает место разуму» [3. С. 289]. Просвещенческому пафосу веберовского теоретизирования социальная феноменология противопоставит социологию повседневности, существенным образом пересмотрев концепцию социальных действий немецкого ученого.

М. Вебер, как известно, располагал «социальные действия» в порядке строгой иерархии: от «традиционных» и «аффективных» к «ценностнорациональным» и «целерациональным». Последние были объявлены своего рода «идеальным типом» всякого поведенческого акта, а посему именно они должны были стать главным предметом рассмотрения социологической науки в понимании Вебера. Позиция А. Шюца, П. Бергера и ряда других представителей феноменологической социологии принципиально иная. Стремясь преодолеть абстрактный универсализм социальной теории Вебера, они обратятся к гуссерлевской концепции «жизненного мира». Феноменологическая социология поставит себе целью раскрыть генезис и имманентную логику институционализации нормативно-ценностных порядков социального мира, обосновать укорененность символических универсумов (Язык, Наука и т.д.) в структурах опыта повседневности.

Lebenswelt, скажут социальные феноменологии, есть смысловой фундамент всякого теоретического знания, поэтому необходима не только формальная строгость научных методов, но и выяснение их обусловленности «жизненным миром». В этой ситуации жесткое противопоставление науки и не-науки, столь характерное для классического обществознания, утрачивает абсолютный характер.

Развиваемая в рамках идеалов Просвещения социальная теория во многом была своего рода метафизикой социального, ибо ее притязания на «научный» статус неизбежно сопрягались с «трансцендентным» обоснованием: гарантом «объективности» социологических построений выступали универсальные свойства Рации, некая «универсальная субъективность», свойства которой не обуславливаются социальными связями. В рамках феноменологической социологии позиция

«абсолютного наблюдателя» заменяется принципом «имманентности», который определяется через отказ от поиска внешней («объективной») по отношению к социальной реальности позиции. Как следствие — наиболее значимым оказывается не столько поиск оснований этой реальности, сколько анализ социальных отношений, сделавших эти основания возможными.

Подобная методологическая переориентация также является характерной особенностью современного социально-философского дискурса (не только феноменологического). Идея наметившегося в общественном сознании парадигмального сдвига во многом связана как раз с расширением предметного поля методологических исследований за счет включения вопросов социокультурных детерминантов научного познания и исторических аспектов познавательной деятельности. Такова концепция П. Бергера и Т. Лукмана, предметом своего анализа сделавших те процессы, с помощью которых некая система «знания» становится социально признанной в качестве «реальности» в том или ином обществе. В русле этого направления работают представители современного социального конструкционизма Б. Латур и К. Кнорр-Цетина.

Таким образом, научное знание все чаще определяется как социально и культурно обусловленное, а поэтому в значительной степени релятивное и исторически изменчивое. На смену идее существования некоей Реальности «самой по себе» приходит признание принципиальной множественности социокультурных миров. Как следствие — отказ от идеи построения «подлинно научного», а потому единственно верного метода, рассматриваемого в качестве привилегированной формы получения авторитетного знания, а также от притязаний на обладание конечными фундаментальными основаниями для наших познавательных утверждений о социальном мире. Исследовательский интерес все больше смещается в сторону рассмотрения деятельности по получению нового знания и закреплению за ним статуса «научного». Таким образом, проблематизируется сама возможность познания чего-либо вне определенной социальной практики использования тех или иных методов, систем описаний.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что тезис об «игнорировании объективной естественно-исторической обусловленности жизни общества», якобы свойственного социологии повседневности А. Шюца и ряду других современных концепций, навряд ли может быть признан состоятельным.

В рамках данной работы не представляется возможным детально проанализировать специфику современного социального философствования в целом и социальной феноменологии в частности. Здесь были отмечены лишь некоторые характерные «приметы» современной социологии. Однако и они проливают свет на такие разнородные современные теории, как феноменология «естественной установки» А. Шюца, социология знания П. Бергера, этнометодология Г. Гарфинкеля, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, социальный конструкционизм К. Кнорр-Цетиной и др. Тем самым постулируется идея абсолютного концептуального единства перечисленных направлений. В рамках нашего исследо-

вания лишь ставится под сомнение теоретическая необходимость унификации этих подходов по критерию «антипозитивистской» направленности.

Феноменологическая социология отличается от аксиологии баденской школы неокантианства не меньше, чем от натурализма Г. Спенсера. В этой связи еще раз подчеркнем: более оправдано рассматривать ряд обозначенных социологических концепций как постнеклассический вариант социальной теории, оппозиционной не только по отношению к «объективизму», но и к его идейному антиподу — социологическому «субъективизму». Будучи зримым воплощением просвещенческих иллюзий относительно всевластия Разума и рационального характера социальных коммуникаций, обе эти стратегии на сегодняшний момент во многом исчерпали свой методологический потенциал.

В условиях постоянно воспроизводимой сегодня различными исследователями идеи кризисного состояния современного обществознания, а также необходимости кардинального методологического пересмотра его оснований дальнейшая разработка этой тематики представляется одной из насущных задач, стоящих перед социально-философской мыслью.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Апель К.-О.* Трансформация философии. — М.: Логос, 2001.
- [2] *Григорьян Э.Р.* Социальное познание и модели человека (Анализ методологических оснований современной западной социологии). — Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1989.
- [3] *Декомб В.* Современная французская философия. — М.: Весь мир, 2000.
- [4] *Ионин Л.Г.* Понимающая социология. Историко-критический анализ. — М.: Наука, 1979.
- [5] История методологии социального познания. Конец 19—20 век. — М.: ИФРАН, 2001.
- [6] *Качанов Ю.Л.* Эпистемология социальной науки. — СПб.: Алетейя, 2007.
- [7] *Конт О.* Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
- [8] *Лиотар Ж.-Ф.* Феноменология. — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ: Алетейя, 2001.
- [9] *Мерло-Понти М.* Философ и социология // Знаки. — М.: Искусство, 2001.
- [10] *Мещерякова Л.Ю.* Современный социальный дискурс: постмодернизм в контексте неклассических социологических теорий. — М.: Изд-во РУДН, 2005.
- [11] *Смирнова Н.М.* От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). — М.: ИФРАН, 1997.
- [12] *Смирнова Р.А.* Природа социальной реальности: бытие и познание. — Мн.: Наука и техника, 1991.
- [13] Современные проблемы методологии социогуманитарного познания: Сб. статей / Под общ. ред. А.С. Готлиб. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2001.
- [14] Теория и жизненный мир человека / Отв. ред. В.Г. Федотова. — М.: ИФРАН, 1995.

PHENOMENOLOGICAL SOCIOLOGY IN THE FRAMEWORK OF CONTEMPORARY METHODOLOGICAL DEBATES

A.S. Ivanova

Social Philosophy Chair
Faculty of Philosophy
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky ave., 27, building 4, Moscow, Russia, 119991

The article provides a review of the pivotal doctrines in the sphere of social sciences and humanities methodology, namely positivism (O. Comte, H. Spenser et al) and antipositivism (W. Dilthey, H. Rickert et al). In terms of E. Husserl's late philosophy as well as the works of M. Merleau-Ponty and A. Schutz the article provides the analysis of one of the prominent schools of the contemporary social theory — phenomenological sociology which is highlighted as the non-classical strategy of the philosophical methodology of social sciences and humanities opposing both Comte's objectivism as well as the sociological «subjectivism» of Neo-Kantianism.

Key words: phenomenological sociology, positivism — antipositivism, objectivism — subjectivism, methodology of social cognition.